СИМОНОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и социальных наук

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: СУБЪЕКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается становление и развитие социологии социальных проблем, в частности, ее субъективистского крыла, ориентированного на исследование процесса социетального определения социальных проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальные проблемы, девиантное поведение, субъективистская версия нормативного подхода, теория «стигматизации», ценностный конфликт, символический интеракционизм, социальный конструктивизм.

Сущность субъективистского подхода к исследованию социальных проблем лучше всего выражает известнейший афоризм Р. Фуллера и Р. Майерса: «Социальные проблемы — это то, что люди считают социальными проблемами, и если условия не определяются как социальные проблемы людьми, которых они касаются, они не являются проблемами для этих людей» [11]. Этот подход в американской социологии называют еще «дефиниционалным», «плебесцитарным» или «моделью общественного мнения», поскольку он сосредотачивает свое внимание на том «кто», «что» и «как» обозначает некую социальную ситуацию как социальную проблему.

Субъективистская традиция в исследовании социальных проблем опирается на социологию социального действия М. Вебера и исследование социального взаимодействия. Согласно этой традиции, считается, что без процесса субъективного определения проблемы социальная проблема как таковая в общественном сознании не существует, причем не зависимо от того, присутствуют в реальности некие объективные условия как предпосылки социальной проблемы или нет.

Чикагская школа

Истоки субъективистской традиции восходят к трудам представителей Чикагской школы социологии. Исследования, проводимые при социологическом факультете Чикагского университета в двадцатые и тридцатые годы XX века, имели многоцелевую направленность, в них тесно переплетались теоретические и эмпирические исследования. Хотя П. Монсон называет Чикагскую школу «эмпирическим приложением классической теории интеракционизма» [6], на самом деле Чикагская школа внесла свой вклад в развитие многих направлений социологии в целом. Именно о деятельности социологов Чикагской школы скептически писал З. Бауман, осуждая ее за прагматизм и сосредоточенность на «социальных диагнозах». Действительно, представители так называемой «экологической социологии» Р. Парк, Э. Берджерс, Л. Вирт, Р. Маккензи и другие исследователи много внимания уделяли проблемам отклоняющегося (от социальной нормы) поведения, социального контроля, поддержания консенсуса в обществе и т.д. Социологи проводили многочисленные эмпирические исследования в Чикаго, который называли «социальной лабораторией» и большим «плавильным котлом». Эти исследования, под характерными названиями «Бродяга», «Профессиональный вор», «Перекати-поле» и т.п., касались жизни городских и сельских общин эмигрантов, проблем их адаптации к городской среде, различных форм девиантного поведения, дезорганизации семьи, юношеской преступности, бродяжничества и т.д. Все эти проблемы трактовались как социальные проблемы и исследовались в рамках культурологической концепции и концепции ценностного конфликта, оказавших влияние на развитие социологии социальных проблем.

Культурологическая концепция, возникшая в рамках Чикагской школы, концентрировалась на таких понятиях, как культура и субкультура, оценка, норма, социальный контроль. Культура, согласно этой концепции, охватывает весь спектр поведенческих норм: право, мораль, разного рода правила. Внутри культуры как общепринятой системы ценностей выделяется субкультура как культура отдельных социальных групп, в том числе и девиантная субкультура как культура девиантных групп. Отклонения (девиации) рассматриваются согласно этой концепции, как культурные явления, так как именно в культуре и, прежде всего, в субкультурах внутри установившейся культуры индивиды выступают как отклоняющиеся. Р.Парк применительно к эмигрантам ввел ставшее чрезвычайно популярным понятие «маргинальной личности» как человека, находящегося «на стыке двух культур», несущего ценностный конфликт внутри своей личности.

В широко известной работе У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1926), посвященной адаптации эмигрантов и связанной с ней социальной дезорганизацией, впервые появляется понятие «определения ситуации», ставшее классическим для субъективистского подхода. У. Томас продолжил мысль Дюркгейма о влиянии ценностей и норм на поведение человека, но речь идет уже не о разрушении ценностей, а о ценностном конфликте как вполне объективной причине дезорганизации. Установки как субъективные, индивидуальные элементы социальной реальности в соединении с социальными ценностями как объективным элементом социальной реальности, который навязывается индивиду как нечто данное и вызывает его реакцию, являются реальным основанием социальной дезорганизации.

У. Томас считал, что любая социальная ситуация состоит из трех взаимосвязанных элементов:

1. Объективного условия, в которых действуют индивид или общество. Эти условия представляют собой совокупность ценностей — экономических, социальных, религиозных, интеллектуальных и т.д., — которые в данный момент прямо или косвенно влияют на состояние сознания индивида или группы.

2. Уже существующие у индивида или группы установки, которые в данный момент оказывают реальное влияние на их поведение.

3. Определение ситуации, представляющее собой более или менее ясную концепцию условий и осознание установок [10].

Определение ситуации необходимо предваряет любое действие индивида. У. Томас полагал, что если определение ситуации не совпадает с групповыми ценностями, то возникают конфликты и социальная дезорганизация. Более того, согласно широко известной «теореме У. Томаса», любая социальная ситуация есть то, как ее определяют участники.

Развитие этого тезиса, а также представление о ценностном конфликте легло в основу «субъективистской» традиции в исследовании социальных проблем. Социальная проблема рассматривалась сторонниками этого подхода как категория морали, отражающая нравственные устои общества и ментальные особенности конкретных социальных групп. Поэтому изучение социальной проблемы вызывает необходимость анализа общественного мнения, а наиболее значимым в определении социальной проблемы является ценностное суждение. В связи с этим субъективистскую традицию в американской социологии еще обозначают как «дефиниционалную», поскольку реальность становится предметом дефиниции (то есть определения) и зависит от того определения, которое ей придается.

Следует отметить, что первыми субъективистский подход к социальным проблемам попытались применить К. Кейс (1924), Л. Франк (1925), У. Уоллер (1936), которые наметили основную стратегию их исследования. Так, например, К. Кейс одним из первых полагал, что объективное условие само по себе не становится проблемой. Социальной проблемой может стать та ситуация, которая привлекает к себе внимание значительного числа компетентных наблюдателей в обществе и требует социального вмешательства и применения специальных мер, то есть коллективных действий. При этом необходимое число экспертов-наблюдателей определяется эмпирически и варьируется в зависимости от ситуации [12]. Позже У. Уоллер критиковал объективистов за их отказ от изучения ценностного мира людей. Он считал их попытки создания научной теории бесполезными, поскольку они имели дело лишь с объективной стороной социальных проблем и исключали отношение, которое делает их проблемами. Отказ от рассмотрения ценностных суждений справедливо представлялся ему серьезной ошибкой, так как исследователь лишался существенного критерия идентификации социальной проблемы [13]. Высказанные этими и другими исследователями идеи закладывали основные принципы субъективистского изучения социальных проблем. Но в наиболее полном и разработанном виде субъективистский подход к социальным проблемам был представлен работами Р. Фуллера и Р. Майерса.

Ценностный конфликт

Р. Фуллер и Р. Майерс в своей ставшей классической «Истории социальной проблемы» (1941) предложили свое понимание социальной проблемы в 7 тезисах, изложив в них сущность «конфликтно-ценностного» подхода к анализу социальных проблем [10]. Они исходят из посылки, что «каждая социальная проблема состоит из объективного условия и субъективного определения». По их мнению, социальная проблема — это условие, определяемое значительным числом людей как отклонение от некоторой важной для них социальной нормы. Объективное условие — это верифицируемая ситуация, существование и масштабы которой могут быть проверены непредвзятым и квалифицированным наблюдателем (например, тенденции уровней рождаемости, безработицы и т.д.). Субъективное определение — это осознание конкретными индивидами, что данное условие угрожает определенным значимым для них ценностям.

Объективное условие, продолжают они, необходимо, но само по себе недостаточно для того, чтобы составить социальную проблему. Социальные проблемы — это то, что люди считают социальны-

ми проблемами, и если условия не определяются как социальные проблемы теми людьми, которых эти проблемы касаются, они не являются проблемами для этих людей, хотя могут быть проблемами для посторонних или ученых. Исследуя далее объективное условие, они развивают «конфликтно-ценностный» подход к анализу социальных проблем. В объективном условии, которое определяется как проблема, важную причинную роль играют культурные ценности. Социальные проблемы предполагают двойной конфликт ценностей. Во-первых, относительно одних условий люди расходятся во мнениях о том, угрожает ли условие фундаментальным ценностям. Во-вторых, относительно других условий, несмотря на общее согласие в том, что условие представляет собой угрозу фундаментальным ценностям, вследствие расхождения других ценностей, касающихся средств или политики, люди расходятся во мнениях о программах реформы. В конечном счете социальные проблемы возникают и поддерживаются потому, что люди не разделяют некоторые общие ценности и цели. Социологи должны поэтому исследовать не только такой аспект социальной проблемы как объективное условие, но также ценностные суждения вовлеченных людей, которые заставляют их определять одно и то же условие и средства решения различным способом.

Далее Р. Фуллер и Р. Майерс исследуют процесс социетального определения социальной проблемы, который они называют историей проблемы или ее генезисом. С их точки зрения, все социальные проблемы имеют некоторые общие характеристики и обнаруживают временной порядок развития, в котором могут быть выделены различные фазы или стадии… Социальная проблема, понимаемая, следовательно, как находящаяся всегда в динамическом состоянии «становления», проходит следующие исторические стадии:

- ***осознания,***
- ***определения политики,***
- ***реформы…***

Стадия осознания заключается в пробуждении у населения сознания того, что определенным значимым для них ценностям угрожают некоторые обострившиеся условия. Без осознания или «проблемного сознания» у определенных групп людей нельзя утверждать, что существует идентифицируемая проблема. Социальная проблема может быть выявлена только тогда, когда она осознается людьми, выражающими свою озабоченность в некоторой коммуникативной или наблюдаемой форме. Характерной особенностью этой начальной фазы осознания являются постоянно повторяющиеся утверждения людей вовлеченных в ситуацию, что «что-то должно быть сделано». Часто наблюдается несогласованное случайное поведение, протест выражается в общих терминах.

Стадия определения политики связана с обсуждением целей и средств, поиском альтернативных решений и углублением конфликта социальных интересов. Люди, предлагающие решения, вскоре обнаруживают, что эти решения неприемлемы для других. Эта стадия значительно отличается от предыдущей, поскольку заинтересованные группы озабочены теперь главным образом тем, «что должно быть сделано», и люди предлагают, что «следует сделать то и это». В центре внимания находятся специальные программы. Протесты становятся организованными и направленными.

Наконец, заключительной стадией является стадия реформ. Здесь мы находим административные образования, занятые осуществлением сформулированной политики. Общая политика уже обсуждена и определена населением в целом, специальными заинтересованными группами и экспертами. Это стадия действия, как общественного, так и частного. Теперь акцентируется не идея, что «что-то должно быть сделано» или что «следует сделать то или это», а тот факт, что «делается то и это». Общественное действие представлено аппаратом правительственных органов, законодательных, исполнительных и судебных; а также делегированной властью административных судов, специальных инспекторов и комиссий. Это — институанализированная фаза социальной проблемы, в том смысле, что мы видим установленную политику, проводимую исполнительными организациями. Реформа может быть также частной по своему характеру, о чем свидетельствует деятельность частных клубов и организаций, частных благотворительных учреждений и церковных групп.

Р. Фуллер и Р. Майерс не считали, что выделенные ими стадии носят взаимоисключающий характер, а полагали, наоборот, что они имеют тенденцию частично совпадать. С концептуальными целями эти три общие фазы могут быть отделены друг от друга; в реальности же развитие проблемы обычно всегда содержит элементы всех трех стадий.

Трудно переоценить вклад Р. Фуллера и Р. Майерса в социологию социальных проблем. Они не только дали определение социальной проблемы, обозначили ее структуру и указали на связь социальных проблем и ценностных конфликтов в обществе. Они так же впервые проследили «жизненный цикл» проблемы, выделили его основные этапы и предложили социологическую операционализацию их, указав на эмпирические показатели каждого этапа, фиксируемые в коммуникативной или наблюдаемой форме.

Символический интеракционизм

Дальнейшее развитие субъективистской традиции связано, с одной стороны, с расширением субъекта определения ситуации — с групп людей, непосредственно затронутых проблемной ситуацией, до общества в целом, а с другой стороны, с дальнейшим исследованием самого процесса, «посредством которого общество признает свои проблемы». Поэтому этот подход часто называют еще «плебисцитарным» или «моделью общественного мнения».

Герберт Блумер, известный интеракционист третьего поколения, в своей работе «Социальные проблемы как коллективное поведение» (1971), весьма остроумно раскритиковав объективистский подход, утверждает, что социальные проблемы не имеют независимого существования в качестве совокупности объективных социальных условий, а являются, прежде всего, результатом процесса «коллективного определения» [4]. И далее предлагает пять стадий этого процесса:

- возникновение социальной проблемы,
- легитимация проблемы,
- мобилизация действия в отношении проблемы,
- формирование официального плана действия,
- трансформация официального плана в ходе его эмпирического осуществления.

Возникновение социальных проблем, по мнению Г. Блумера, вовсе не связано с существованием «вредных или злокачественных условий» в обществе. Социальная проблема, по утверждению Блумера, не существует для общества до тех пор, пока общество не признает, что она существует. Не осознавая социальную проблему, общество не воспринимает ее, не обращается к ней, не обсуждает ее и ничего не предпринимает. Проблемы просто нет. История изобилует примерами ужасных социальных условий, не замечаемых в тех обществах, в которых они возникли. Кроме того, данные социальные условия могут игнорироваться в одно время и, совершенно не изменившись, стать предметом глубокого беспокойства в другое. Признание обществом социальных проблем является крайне избирательным процессом, при этом многие вредные социальные условия не претендуют даже на внимание, а другие выносятся на обочину зачастую жестокой конкурентной борьбы. Многие проблемы продвигаются к социетальному признанию, но лишь отдельные достигают конца этой воронки. И далее Г. Блумер перечисляет те факторы, которые, по его мнению, влияют на избрание того или иного явления в качестве социальной проблемы, но совершенно не исследуются социологами:

- роль агитации в достижении признания проблемы;
- роль насилия в приобретении такого признания;
- деятельность заинтересованных групп, ожидающих получения материальных выгод в результате возвышения данного условия до уровня проблемы;
- роль политических деятелей в подстрекании беспокойства относительно одних проблем и создании препятствий такому беспокойству относительно других;
- роль влиятельных организаций и корпораций, занимающихся тем же;
- беспомощность групп, не обладающих властью, в привлечении внимания к тому, что они считают проблемами;
- роль средств массовых коммуникаций в отборе социальных проблем;
- воздействие случайных событий.

Вторая стадия — легитимация социальной проблемы. Если социетальное признание дает жизнь социальной проблеме, то для того, чтобы она не погибла при рождении, она должна получить социальную легитимность. Социальная проблема должна получить социальную поддержку для того, чтобы восприниматься серьезно и продвигаться в своем развитии. Социальная проблема должна приобрести необходимую степень респектабельности, предоставляющей ей право быть рассматриваемой на признанных аренах общественного обсуждения. В обществе такими аренами являются пресса, другие средства коммуникации, церковь, школа, гражданские организации, законодательные собрания и места сосредоточения должностных лиц (бюрократии). Если социальная проблема не имеет мандата респектабельности, необходимого для выхода на такие арены, она обречена. Она «застревает» и «чахнет» за пределами арены общественного действия. Из широкого множества социальных условий, признанных вредными, достигают легитимности относительно немногие. Здесь мы вновь сталкиваемся с избирательным процессом, в ходе которого одни развивающиеся социальные проблемы вынуждаются отказаться от своих притязаний, другие игнорируются, третьи избегаются, четвертые вынуждены пробивать себе дорогу к респектабельному статусу, пятые продвигаются к легитимности посредством сильной и влиятельной поддержки. Очевидно, многие факторы, которые воздействуют на признание социальных проблем, продолжают играть свою роль и в отношении легитимации последних.

Следующая стадия — мобилизация действия — является решающей в развитии социальных проблем (их «карьере»). Проблема теперь становится объектом обсуждения, полемики, различных описаний и разнообразных требований. Те, кто стремится к изменениям в области социальной проблемы, сталкиваются с теми, кто пытается защищать интересы истеблишмента в этой области. Завышенные требования и искаженные описания становятся общераспространенным явлением. Посторонние, чья вовлеченность в ситуацию является косвенной, вносят свои чувства и образы в построение проблемы. Обсуждение, защита, оценка, фальсификация, отвлекающая техника и выдвижение предположений — все это имеет место в работе средств коммуникации, стихийных и организованных митингов, законодательных палат. Все это составляет мобилизацию общества в отношении социальной проблемы. Одни социальные проблемы выживают в этих столкновениях, другие переопределяются для того, чтобы «выжить», третьи «чахнут».

На стадии формирования официального плана действий возникает решение общества о том, как действовать в отношении стоящей перед ним проблемы. Данная стадия включает в себя составление официального плана действий так, как это

происходит в парламентских комитетах, законодательных палатах и исполнительных органах. Компромиссы, уступки, сделки, подчинение влиянию, реакция на власть и обсуждение того, что может быть осуществимым, — все это оказывает влияние на конечную формулировку. Это является процессом определения и переопределения в концентрированной форме, которая включает в себя формирование, переработку и исправление коллективного образа социальной проблемы, вследствие чего-то, что возникает, может в значительной степени отличаться от того, как представлялась проблема на ранней стадии своей «карьеры». Официальный план сам по себе составляет официальное определение проблемы; он представляет, каким образом общество воспринимает проблему через свой официальный аппарат и намеревается действовать в отношении проблемы.

Последняя стадия — осуществление официального плана — возвещает новый процесс коллективного определения. На практике в ходе своего воплощения этот план всегда модифицируется, переформулируется и получает непредвиденные приращения со стороны тех, кто вовлечен в проблему, и тех, кого затронул этот план. Люди, которым угрожает опасность потери преимуществ, стараются ограничить план или направить его в другую сторону. Те, кто выигрывает в результате этого плана, могут использовать новые возможности. Или же обе группы могут вырабатывать новые, не предусмотренные планом компромиссные соглашения. Администрация и ее персонал склонны подменять своей политикой официальную политику, лежащую в основании плана. Такого рода приспособлениями, блокировками, непредвиденными приращениями и непреднамеренными трансформациями изобиловали многие попытки осуществления на практике официальных планов. Не существует какого-либо другого аспекта общей области социальных проблем, который бы являлся более важным, менее понятным и менее исследованным, чем аспект непредвиденной и непреднамеренной перестройки области социальной проблемы, происходящий при осуществлении официального плана действия.

В целом Г. Блумер делает вывод, что социальные проблемы относятся не к объективным областям, на которые они лишь указывают, а к процессу их рассмотрения и определения в обществе, в котором они «обретают свое существование, свое развитие и свою судьбу» [10].

Теория стигматизации («наклеивания ярлыков») и нормативный подход

Кроме символических интеракционистов на развитие субъективистской традиции в исследовании социальных проблем оказали влияние работы А. Мосса, Г. Беккера, Э. Лемерта и других исследователей. Субъективистская версия нормативного подхода была связана с культурологическими традициями Чикагской школы. Так, Г. Беккер (1966) предложил свой подход к девиантному поведению, традиционно находящемуся в исследовательском поле социальных проблем. В своей известной теории «наклеивания ярлыков» Г. Беккер, субъективистски развивая нормативный подход, утверждает, что социальные группы формируют отклонения, создавая правила, нарушение которых составляет отклонение, применяя эти правила к отдельным индивидам и наклеивая на них ярлык аутсайдеров. Девиант — это тот, на кого удалось наклеить ярлык. Отклонения, по его мнению, есть результат взаимодействия между некоторой социальной группой и тем, кого группа считает нарушителем правила. Более того, отклонение не является качеством самого поведения, это качество взаимодействия между индивидом, который совершает акт, и теми, кто реагирует на него. Поэтому для исследования девиации важны не столько личные и социальные характеристики девиантов, сколько процессы, посредством которых они начинают восприниматься как девианты [1].

Э. Лемерт (1951), развивая нормативный подход к исследованию девиаций в рамках теории «наклеивания ярлыков», попытался выявить различие между «нормальным» поведением и поведением «патологическим». Он считал, что с социологической точки зрения отклонения незначительны до тех пор, пока они не организованы субъективно, не трансформировались в активные роли и не стали социальными критериями для приписывания статуса. Первичные отклонения могут быть и симптоматическими, и ситуационными, и всего лишь причиняющими беспокойство придатками нормально воспринимаемых ролей. Но, если девиантные акты повторяются и вполне очевидны, и если наблюдается суровая социетальная реакция, то, вполне вероятно, что интеграция существующих ролей будет нарушена, и что произойдет реорганизация на основе новой роли или новых ролей. По его мнению, существует прогрессирующая взаимосвязь между отклонением индивида и социетальной реакцией, пока не будет достигнута точка, в которой происходит стигматизация девианта в форме присвоения имени, наклеивания ярлыка или стереотипизации. На каждой стадии этого процесса должно продолжаться усиление девиантного самоопределения и его социетальное подкрепление. Вторичное отклонение связано с окончательным принятием девиантного социального статуса и усилиями приспособиться на основании связанной с этим девиантной роли. Вторичные отклонения обнаруживаются в символических принадлежностях новой роли, эмпирически наблюдаются и поддаются описанию социологом. Для установления социальной проблемы нужно использовать статистически определяемые нормы и стандарты. В частности, Э. Лемерт предлагал использовать статистическое понятие моды как средней величины для определения нормы поведения, а отклонение от нее определял как патологию [5].

Следует отметить, что высказанные Лемертом мысли во многом повлияли на разработку процедуры определения социальных проблем, поскольку предлагали путь соотнесения реальности с заданным нормативом.

Социальный конструкционизм

Дальнейшее развитие субъективистской традиции тесно связано с феноменологической социологией, с так называемым социальным конструкционизмом. В своем исследовании «Конструирование социальных проблем» (1977) М. Спектор и Дж. Китсьюз развивают известный тезис П. Бергера и П. Лукмана о том, что при концептуализации реальности «важно передвинуть вопрос с абстрактного «что?» к социологически конкретному «кто говорит?» [2]. В соответствии с конструктивистским подходом, они считают предметом социологии социальных проблем процесс определения социальных проблем теми, кто отстаивает свое понимание социальных условий и действует в соответствии с ними. Поэтому социальная проблема для них — это вид деятельности. «Социальная проблема — это деятельность тех, кто утверждает, что (объективное) условие существует и определяет его как проблему» [9]. М. Спектор и Дж. Китсьюз предлагают сосредоточится на процессе, посредством которого члены общества определяют предполагаемое условие как социальную проблему. Социальные проблемы определяются ими «как деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения-требования относительно некоторых предполагаемых условий». Они называют эту деятельность «социально-проблемной деятельностью». По их мнению, возникновение социальной проблемы зависит от организации деятельности по выдвижению требований искоренения, улучшения или какого-либо другого изменения некоторого условия. Поэтому центральной проблемой для теории социальных проблем является объяснение возникновения, характера и поддержания деятельности по выдвижению утверждений-требований и ответной деятельности. Такая теория должна обращаться к деятельности всякой группы, требующей от других улучшения, материальной компенсации, смягчения социального, политического, правового или экономического ущерба.

Относительно «предполагаемого условия» М. Спектор и Дж. Китсьюз занимают крайне субъективистскую позицию. Они оставляют в стороне вопрос о том, являются эти утверждения верными или ошибочными. Значение объективных условий, с их точки зрения, заключается в утверждении о них, а не в валидности этих утверждений, определяемой с некоторой независимой точки зрения. Они считают, что даже существование самого условия иррелевантно по отношению к конструктивистскому анализу и находится вне него. Таким образом, несмотря на то, что сами исследователи считали свой подход «расширением и развитием перспективы ценностного конфликта», в качестве предмета исследования ими предлагается уже не процесс социетального определения социальной проблемы, без сомнения учитывающий ее «объективную составляющую», а процесс конструирования социальной проблемы, фактически игнорирующий ее «объективную составляющую», и целиком связанный с деятельностью групп, «соперничающих в борьбе за контроль над определением проблемы». Далее Спектор и Китсьюз пишут, что они заинтересованы в построении теории деятельности по выдвижению утверждений-требований, а не теории условий. Деятельность по выдвижению претензий, недовольства или требований изменения составляет сущность того, что они называют социально-проблемной деятельностью. Определения условий как социальных проблем конструируются членами общества, которые пытаются привлечь внимание к ситуациям, находимыми ими невыносимыми, и которые стараются мобилизовать существующие условия институты для того, чтобы сделать что-нибудь в отношении этих ситуаций.

Выдвижение утверждений-требований, по их мнению, всегда есть форма взаимодействия: требование одной стороны от другой, чтобы что-то было сделано в отношении некоторого предполагаемого условия. Оно включает в себя ответы на вопросы анкет, подачу жалоб, предъявление судебных исков, созыв пресс-конференций, написание писем протеста, принятие резолюций, выступление с публичными разоблачениями, публикацию в газетах заявлений, поддерживающих некоторые правительственные действия или оппозиционных по отношению к ним, проведение пикетов и бойкотов.

Конструкционисты сделали новый шаг в исследовании жизненного цикла социальной проблемы и предложили свою концепцию исторических стадий социальных проблем. Она отличалась от концепций как Р. Фуллера и Р. Майерса, так и Г. Блумера, которые заканчивались на стадии официальной реакции или осуществления той или иной социальной политики. В результате такого подхода, по их мнению, собственно решение социальных проблем оказывалось за рамками анализа. Их предшественники никогда не описывали, что происходит после того, как принимаются законодательные акты, создаются специальные органы и осуществляются те или иные программы. Поэтому они задались вопросом: когда на самом деле социальная проблема прекращает свое существование? И попытались ответить на этот вопрос, предложив свою концепцию четырех стадий, при которой стадия 2 соответствует последней стадии концепции Блумера, Фуллера и Майерса. А стадии 3 и 4 описывают то, что происходит с социальной проблемой после определения и осуществления социальной политики. Они представляют собой своего

рода второе поколение социальной проблемы, когда решения предшествующих проблем (реакции на предшествующие требования) становятся основой для новых утверждений-требований.

Стадия 1. Группа (или группы) пытается утверждать, что некоторое условие существует, определяет его как оскорбительное, вредное, нежелательное, предает эти утверждения гласности, инициирует обсуждение, делает это условие предметом общественного и политического внимания.

Стадия 2. Признание легитимности этой группы некоторой официальной организацией или институтом. Это может привести к официальному расследованию, предложениям реформ, созданию организации с целью отреагировать на эти утверждения требования.

Стадия 3. Повторное выдвижение утверждений требований первоначальной группой (или другими группами), выражающее неудовлетворенность установленным порядком ведения дел относительно данного условия, бюрократическим обращением с утверждениями-требованиями, неспособностью создать условия сотрудничества и доверия в рамках этого порядка и бездушным отношениям к утверждениям-требованиям.

Стадия 4. Отказ группы, выдвигающей утверждения-требования, от деятельности официальной организации или института или отсутствие официальной реакции и разворачивание деятельности по созданию альтернативных, параллельных или противодействующих институтов.

Хотя исследователи отмечали, что их концепция исторических стадий социальных проблем носит гипотетический характер, в действительности она оказалась весьма продуктивной при разработке социальных технологий решений социальных проблем и вмешательства в социальную практику.

В последующие годы в конструкционистском подходе выделились три направления, связанные с отношением к «объективному условию». На одном полюсе находились «строгие конструкционисты», на другом — сторонники фальсификационной версии, а между этими полюсами расположились, и их оказалось большинство, те, кого называли «контекстуальными конструкционистами» [3].

«Строгие конструкционисты» утверждали, что при анализе социальных проблем следует избегать каких-либо допущений об объективной реальности. Реальные социальные условия иррелевантны; значение имеет только то, что говорят члены общества об этих условиях. Предметом исследования социальных проблем они считали утверждения-требования, выдвигаемые членами общества, а не валидность этих утверждений. Сторонники фальсификационной версии считали конструкционизм синонимом фальсификации, которое предполагает, что аналитик знает реальную природу объективной реальности. Утверждения-требования выдвигаются относительно предполагаемых условий, которые могут существовать, а могут и не существовать. Это наиболее грубая форма конструкционизма, приравнивающая социальную конструкцию к ошибке. «Контекстуальные конструкционисты» признавали возможным существование некоторых допущений о социальных условиях, которые позволяли разместить утверждения-требования в их социальном контексте. Они считали, что знание социальных условий может помочь объяснить, почему возникают определенные утверждения-требования.

Хотя все споры конструкционистов о теоретических основаниях своего подхода внешне производят впечатление абстрактных рассуждений, не имеющих какой-либо практической ценности, в действительности это не так. Конструкционизм в дальнейшем оказался практически весьма полезен как для тех, кто исследовал социальные проблемы, так и для тех, кто претендовал на выдвижение утверждений-требований, поскольку предложил свою стратегию исследования социальной проблемы. По мнению конструкционистов, аналитик должен сосредоточится на трех основных моментах:

- на самих утверждениях-требованиях,
- на тех, кто их выдвигает,
- и на самом процессе выдвижения утверждений-требований.

Первая задача анализа — выявление случаев выдвижения утверждений-требований. Стандартными источниками являются: 1) средства массовой информации; 2) научные и научно-популярные книги и периодика; 3) популярные издания — статьи в неспециализированных изданиях, ток-шоу и др.; 4) выступления перед парламентом; 5) брошюры, листовки, тезисы и другие недолговечные материалы; 6) опросы общественного мнения; 7) интервью с теми, кто выдвигает утверждения-требования. Можно проследить изменение интереса к социальной проблеме, измеряя частоту, с которой выдвигаются утверждения-требования определенного типа (используя, например, указатели периодической литературы). Определив набор утверждений-требований, можно приступать к анализу их содержания. Важно выяснить: что говориться о проблеме? как типизируется проблема? какова риторика выдвижения утверждений-требований или как представляются утверждения-требования для того, чтобы убедить аудиторию?

Вторым фокусом анализа являются выдвигающие утверждения-требования. Для начала необходимо идентифицировать выдвигающих утверждения требования. Кто в действительности выдвигает утверждения-требования? Кого, по их утверждению, они представляют (если кто-то стоит за ними)? Являются ли те, кто выдвигает утверждения-требования, лидерами или представителями определенных организаций, социальных движений, профессий или заинтересованных групп? С кем они связаны предшествующими контактами? Имеют ли они опыт в выдвижении утверждений-требований или являются новичками? Отражают ли они какую-либо идеологию? С чем связаны их интересы — с вопросами, которые они

поднимают, с политикой, которую они поддерживают, или с успехом компании? Каким образом на утверждениях-требованиях отражается тот факт, что они выдвигаются именно этими людьми?

Процессы выдвижения утверждений-требований бывают сложными и неоднородными. Одни утверждения-требования игнорируются, те, кто их выдвигает, решают не продолжать кампанию, и вопрос быстро забывается. Время от времени выдвигающие утверждения-требования достигают значительного успеха: люди прислушиваются к их утверждениям-требованиям и быстро реагируют на них, принимая любую рекомендуемую ими политику. Чаще всего, конечно, успех компаний бывает неоднородным, и только продолжительное выдвижение утверждений-требований может привести к каким-либо результатам и успеху кампании. В другом случае выдвигающим утверждения-требования удается организовать активное социальное движение, но они испытывают трудности в изменении социальной политики. В третьем случае возникает необходимость в целом цикле компаний, каждая из которых ведет к небольшим изменениям в политике.

В числе основных вопросов относительно любой кампании по выдвижению утверждений-требований должны быть следующие. К кому обращались те, кто выдвигал утверждения-требования? Выдвигал ли кто-либо конкурирующие утверждения требования? Какие интересы связывала с этим вопросом аудитория, к которой обращались выдвигающие утверждения-требования, и как эти интересы определяли реакцию аудитории на утверждения-требования? Как характер утверждений-требований или личность выдвигающих утверждения-требования влияли на реакцию аудитории?

Конструкционисты полагали, что для аналитика важно сохранять сосредоточенность на выдвижении утверждений-требований, не отвлекаясь на социальные условия, относительно которых они выдвигаются. Разумеется, условия могут фигурировать в анализе, но они не должны занимать центральное место. В целом же конструкционизм оказался действенной и практически полезной исследовательской стратегией, которая бурно развивалась, ибо именно она оказалась созвучной потребностям практической социологии.

Таковы основные субъективистские подходы к анализу социальных проблем. Среди несомненных достоинств этого подхода следует указать на то, что именно сторонники этого подхода впервые обратили внимание исследователей на релятивность ценностно-нормативной системы как критерия для придания статуса социальной проблемы какому-нибудь социальному явлению. Кроме того, они не только поставили вопрос о жизненном цикле проблемы, но подробно его разработали. Наконец, субъективисты дали представление о множественности субъекта определения социальной проблемы и его роли на каждом этапе жизненного цикла, что оказалось чрезвычайно полезным для анализа социальных проблем прикладными науками.

Надо отметить, что объективисты, в свою очередь, критиковали субъективистский подход с двух точек зрения. Одни из них считали, что субъективистский подход ограничен, поскольку, с их точки зрения, фактически игнорирует негативные социальные условия, которые являются «реальными» социальными проблемами. Другие объективисты вообще отказывали субъективистскому подходу в самостоятельности. Они утверждали, что объективизм и субъективизм — это всего лишь «две стороны одной медали», и в теоретическом отношении обе концепции легко могут быть согласованы. Субъективисты протестовали против возможности объединения подходов, считая его недопустимым, поскольку объективизм и субъективизм по-разному определяли социальные проблемы [3]. Тем не менее последняя точка зрения в дальнейшем получила широкое распространение. В теоретическом отношении она была обоснована в соответствии с принципами полипарадигмального подхода, ставшего доминирующим в современной социологии [6]. В практическом отношении она получила признание в прикладных социальных науках, поскольку позволяла использовать достоинства обоих подходов в рамках одного исследования [7].

1. Беккер Г. Аутсайдеры // Контексты современности 2. Хрестоматия. Пер. с англ. — Казань, 2001. — С. 145-149.
2. Бергер П., Лукман П. Социальное конструирование реальности. Пер. с англ. — М., 1996. — С. 190.
3. Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности 2. Хрестоматия. Пер. с англ. — Казань, 2001. — С. 164-175.
1. Блумер Г. Социальная проблема как коллективное поведение // Контексты современности 2. Пер. с англ. — Казань, 2001. — С. 150-159.
2. Лемерт Э. Социальная патология // Контексты современности 2. Хрестоматия. Пер. с англ. — Казань, 2001. — С. 142-145.
3. Монсон П. Современная социологическая теория. Пер. с англ. — М., 1999.
4. Ритцер Дж. Современные социологические теории. Пер. с англ. — СПб.: Питер. 2002.
5. Симонова Т.М. Социальные проблемы в социологии и в социальной работе: определение, анализ, решение. — СПб.: Роза мира, 2005.

6. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности 2. Хрестоматия. Пер. с англ. — Казань. 2001. — С. 160-163.
7. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические замечания // Психология социальных ситуаций. Серия «Хрестоматия по психологии». Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2001. — С. 29-30.
8. Фуллер Р., Майерс Р. История социальной проблемы // Контексты современности 2. Хрестоматия. Пер. с англ. — Казань, 2001. — С. 138-141.
9. Case C. What is Social Problems? // American Sociology Rev. 1924/№8. p.268-273.
10. Waller W. Social Problems and the Mores // American Sociological Review. 1936, Vol. 1, December, pp.924-933.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ*

СЕРОВ НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ
доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии СПбГИПСР

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕЛЛЕКТА

АННОТАЦИЯ. Рассмотрены гендерные проблемы коммуникации в социальной работе. На базе знаний мировой культуры показано, что дифференциация гносеологической категории «сознание» на его психолого-онтологические компоненты позволяет во многом решать конкретные задачи социальной психологии и/или работы. На примерах разнесения психологических функций по этим компонентам для кодов обобщения, теста М. Люшера и функций психологической защиты показаны возможности их использования в практической работе и/или теоретического разрешения дискуссионных вопросов социальной психологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сознание, интеллект, гендер, онтологические планы, модальность, абстракция, сублимация, психологическая защита, цветовой метаязык, психодиагностика.

Основными структурными элементами, описывающими процесс коммуникаций в рамках социальной психологии и/или работы, являются: «отправитель и получатель», между которыми могут находиться «язык, общение, контекст и сообщение». Однако все эти компоненты коммуникации с точки зрения семиотики являются системами знаков — кодами. Причем если в системе социальной коммуникации, наряду с невербальными каналами имеется вербальная коммуникация, то существуют еще и генетические коды информации, законы которых существенно отличаются от вербальных [10]. Так, можем ли мы говорить о возможности единой классификации столь разнородных вещей, если до сих пор информация и законы ее функционирования остаются малоисследованными объектами не только информатики, но и психологии [12; 14;18]?

Считается общим местом, что личные данные, вкусы и предпочтения исследователей нередко включаются в основные предпосылки создаваемых ими теорий личности, которые, таким образом, служат отражением мыслей и ценностей тех, кто их разработал. Очевидно, для устранения указанных сложностей — в приближении социальной психологии к научным критериям — был бы необходим совершенно новый подход к представлению человека. Такой подход позволил бы сочетать разные языки разных областей науки, а кроме того, искусства и религии для воссоздания человека. В конце XX века появились основные принципы такого подхода — теория и методология хроматизма. Название этого учения связано с древнегреческим понятием «хрома» (χρϖμα), в которое античные авторы, вообще говоря, вкладывали множество значений. Сопоставим эти значения с их современным представлением в виде онтологических планов:

1) цветовосприятие как перцепт, психическое, распредмеченное, идеальное (**Ид-план**);

2) краска как стимул, физическое, опредмеченное, материальное (**Мат-план**);

3) цветоощущение окраски тела человека как физиологическое, синтоническое (**С-план**);

4) цветообозначение как лингвистическое, распредмеченно-идеальное относительно Мат-плана, но относительно Ид-плана — опредмеченно-материализованное (**М-план**);

5) эмоции как информационно-энергетические отношения релевантных пар планов пп.1-4.

Показательно, что уже Декарт формулировал аналогичное подразделение на идеальное и материальное при создании — как сегодня принято говорить — информационных моделей: «если интеллект приступает к исследованию какой-либо вещи, которая может быть отнесена к разряду телесных, то только в воображении он может создать ее наиболее отчетливую идею». При этом «нужно отстранить от идей о вещах все, что не требует в данный момент внимания» [5, с. 79, 114]. Какие же идеи можно было найти в вещах? В методологии хроматизма любая система определена отношениями между ее компонентами, и, в частности, информацией как онтологически идеальным [18]. Поэтому цвет оказался наиболее надежным инструментарием для создания информационных моделей.

* Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии и редакции